

достигнуто быстро, то намеченные переговоры по ядерным вооружениям станут ловушкой, и их исход определится лозунгами и внутривластными соображениями. Советские представители уже сейчас предлагают сократить число своих танков взамен на сокращение численности западных самолетов, но это был бы еще один шаг к ослаблению Европы перед советскими ядерными вооружениями и к дальнейшему ограничению возможностей Соединенных Штатов нанести ответный удар с европейской территории. Такое соглашение было бы также шагом к отдалению Европы от Соединенных Штатов.

5. Первоочередная задача американской политики — определение (в сотрудничестве с союзниками США) жизненно важных интересов демократических стран, методов защиты этих интересов и позиции на переговорах с СССР.

Определение такой стратегии — сложная, но поддающаяся решению задача. Принимая во внимание состояние экономики обеих сторон, можно сказать, что демократическим странам Запада легче сохранить равновесие сил в мире, нежели Советскому Союзу изменить это равновесие в свою пользу. Демократическим государствам ни в коем случае не следует действовать под влиянием советского лидера, каким бы способным и обязательным он ни был, поскольку они обладают всем необходимым для самостоятельного определения своего будущего.

XX-Я ГОДОВЩИНА ВТОРЖЕНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

„ПРАЖСКАЯ ВЕСНА” И „ПЕРЕСТРОЙКА”

(Ответы Александра Дубчека на вопросы корреспондентов
органа компартии Италии „Унига”)*

В этом году исполняется двадцатая годовщина „Пражской весны”. В Советском Союзе — в партии и обществе — высказываются идеи и предложения, которые представляют собой суть чехословацкого курса 1968 г. Что же думаете вы, главный представитель „нового чехословацкого курса”, о горбачевской перестройке?

Дубчек: „Перестройка” неизбежна — объективно и субъективно. Это ответ на насущные проблемы всего социалистического сообщества. Поэтому я ее приветствую и поддерживаю. Я вижу ее глубокую внутреннюю взаимосвязь с проблемами, которые стояли перед нами 20 лет назад, однако в Советском Союзе эти проблемы несколько модифицированы местом и временем. Прошло много времени, особенно если учесть, чего можно было добиться за двадцать лет „нового курса” — для нашего государства, для социализма и социалистического движения. В то же время я ощущаю и 1968 г., и начало „пражской весны”, которое можно отнести к октябрю 1967 г., как совсем недавние события. Нынешние события в СССР во многом подтверждают жизнеспособность и актуальность наших идей.

Я буду говорить откровенно и о настоящем, и о будущем. Ваше обращение ко мне как к главному представителю „нового

* Перевод дается в сокращении. — Ред.

курса" я рассматриваю как проявление дружественного отношения, однако я считаю, что в нашем движении, как и в любом другом, главным представителем был народ. ЦК возглавил этот народ, выдвинув притягательную для наших граждан программу. Меня же избрал ЦК, и я оставался одним из его членов.

Я не утверждаю, что за истекшие 20 лет ничего не было сделано в ЧССР. Сделано было много — талантом и трудом нашего народа. Остались, однако, нерешенными основные проблемы — в политике, экономике, культуре, общественной системе, хотя на несколько ином уровне. Когда-то наша республика была в числе десяти наиболее развитых в промышленном отношении государств. Сейчас мы находимся почти на двадцатом месте. Не следует при этом механически сравнивать ЧССР и СССР, наш 1968 г. и нынешний период перестройки в Советском Союзе. Время породило новые идеи, стремление не только мыслить по-новому, но и по-новому поступать — на родине и на международном форуме. Огромный прогресс был достигнут в научно-технической области. Говорят уже о четвертом этапе научно-технической революции...

На октябрьском пленуме ЦК КПЧ (1967 г.) я выступил с инициативой новой политической программы, по ленинской терминологии, „программы-минимум“, и вскоре стал первым секретарем партии. Дальнейшее развитие этой программы вплоть до разработки в 1968 г. „Программы действий КПЧ“, было коллективным делом широкого партийного актива, в который входили представители всех ключевых областей нашей общественной жизни. Это был коллективный разум, синтез таланта людей, посвятивших себя „новому курсу“.

Я не ставлю знак равенства между происходившим в 1968 г. в КПЧ и ЧССР и ныне происходящим в КПСС и СССР. Такое отождествление было бы отрицанием особенностей, различий, специфики партий и государств. Время, однако, неопровержимо доказывает, что причины, побуждающие к переменам, идентичны в обеих странах — это необходимость более эффективного всестороннего развития социализма и общества, перевода его на качественно более высокую ступень, соответствующую давно начавшейся в мире научно-технической революции. Тождественна также неизбежность принципиальной перестройки

системы управления экономикой для более действенного сочетания плана и рынка, а именно: товарно-денежных отношений, показателей благосостояния и прибыли, эффективности, необходимости для этого децентрализации правомочий и передачи их производителям и, разумеется, демократизации...

Сходство заключается также в стимулировании инициативы и в плюралистическом подходе к удовлетворению интересов общественных, культурных и других социалистических организаций.

Тождество проявляется в необходимости провозгласить, нормативно оформить и повседневно осуществлять на практике социальную справедливость в соответствии с общественно-экономической заинтересованностью индивидуумов, коллективов и всего общества в окончательных результатах труда. Сходство — в идее всесторонней демократизации партии и общества, в развитии разнообразной (в том числе политической) активности и инициативы широких масс трудящихся, направленной на мобилизацию всех ресурсов и преимуществ социализма как притягательной альтернативы будущего...

Тождество выражается и в том, что выражено в „Программе действий КПЧ“ от 5 апреля 1968 г. Таким образом, наша программа действий, принятая в 1968 г., исчерпывающим образом подтверждает сходство и параллели.

Инициатором процесса возрождения был ЦК КПЧ, осознавший ключевые проблемы развития нашей страны и обобщивший опыт не только социалистических государств, но и всей Европы. Предполагалось, что в процессе реформ будет устранено основное препятствие, тормозившее развитие страны, — догматизм общественного сознания. Следует отметить, что когда ЦК КПЧ встал на путь демократизации партии и общества, брежневское руководство шло уже по пути сдерживания демократизации. Чтобы понять наше движение, следует хотя бы коротко рассмотреть, что ему предшествовало. В стране уже несколько лет действовала социалистическая конституция, однако в нашем обществе, в его политической и экономической структурах положение было довольно неблагоприятным, поскольку оставались непреодоленными последствия беззакония 50-х годов. Речь шла не только о нашумевших „политических процессах“,

но и о десятках тысяч несправедливо осужденных чехословацких граждан. 1968 году предшествовал период многочисленных деформаций, экономической стагнации, вызванной применением административно-директивных методов управления. Провозглашалось, что у нас широчайшая демократия, и разрыв между теорией и практикой, между провозглашенными лозунгами и реальностью, между словами и делами постоянно увеличивался. Об этом можно было бы рассказать более пространно, но я думаю, что итальянские читатели и чехословацкие граждане достаточно хорошо ознакомлены с тем, что происходило в те годы в ЧССР.

На этом фоне зародилось в КПЧ движение за новое содержание, стиль и методы работы, отличные от прежних, когда партийные органы подменяли собой государственные вплоть до срастания с ними. К тому же высшие партийный и государственный посты занимал один человек. К принципиальным, серьезным общегосударственным проблемам следует отнести и безразличие к национальной политике, к отношениям между чехами и словаками, безразличие к проблемам молодежи, к культуре, традициям и т. п. Все это привело к известным пленумам ЦК КПЧ в октябре и декабре 1967 г., естественным развитием которых стал январский пленум 1968 г...

Исключительно важен проект закона о государственных предприятиях. В 1968 г. проект закона о социалистических предприятиях определил принципы деятельности рабочих советов. 20 лет спустя, безусловно, необходимы более фундаментальные, продуманные законопроекты о предприятии и предпринимательской деятельности. Люди должны не только почувствовать, что что-то происходит, эти ощущения должны опереться на что-то конкретное. Люди должны видеть, что в стране меняется атмосфера, создаются условия для объединения всех творческих сил общества на новой базе для осуществления подлинной перестройки. Необходимо покончить с угрожающими заявлениями, что происходящие в СССР и других социалистических странах перемены не имеют ничего общего с процессом возрождения Чехословакии в 1968 г.

... Нас вдохновляют больше всего слова Горбачева, что без развития в духовной сфере, без демократизации, без внедрения

социалистических и общечеловеческих ценностей перестройка не удастся. Если бы была опубликована Программа действий КПЧ от апреля 1968 г., то стало бы очевидным сходство этих стимулов. А сама программа могла бы содействовать выработке мер, соответствующих нынешним условиям в Чехословакии и за границей...

„Новый курс” — так назвал нашу политику Луиджи Лонго во время визита в ЧССР в 1968 г. Имеется если не тождество, то поразительное сходство основных идей и источников между советской перестройкой и политикой чехословацких коммунистов в 1968 г. Тождество же — в процессе возрождения, который задержался на 20 лет. Сказанное выше обуславливает советской перестройке мою поддержку и поддержку всех чехословацких коммунистов, разделяющих мои убеждения. Я утверждаю, что мы поддерживаем перестройку искренне и целиком...

Перестройка проходит в СССР: в то же время в других Странах Варшавского договора возникают осложнения при формулировании отношения к „процессу возрождения” и при проведении критического анализа кризиса социалистического общества. Почему возникают такого рода трудности?

Дубчек: Это проблемы не только стран Варшавского договора, но всех государств социалистического типа. Следовало бы объяснить также понятие „кризис” — как по существу, так и с учетом различий его проявления в разных странах. В СССР, например, говорится о преодолении предкризисных явлений. В Чехословакии же (в отличие от Венгрии в 1956 г. и Польши в 80-е годы) ЦК КПЧ возглавил курс на реформы, чтобы воспрепятствовать кризису. Обострение внутривластного (не экономического) кризиса произошло после 21 августа 1968 г. в результате обстоятельств, которые внесли коррективы в процесс возрождения, именно это обострило общественные противоречия.

Вернемся к вашему вопросу. Я хотел бы отметить, что различия между странами социалистического типа обусловлены исторически. Вступая на путь социализма, каждая из них отталкивалась от иной основы — экономической, политической,

общественной и культурной, и это, как стало очевидно позднее, далеко не всегда учитывалось. Коммунисты убеждены, что социалистические идеи отражают общественные отношения, потребности и интересы. В условиях ЧССР, где имеются традиции демократии, пусть буржуазной, эти идеи по форме отличались от принятых в странах, где правили различного толка диктаторы, а также в странах с более низким уровнем экономического развития, с иной стратификацией общества, с другим культурным прошлым. Все это, в том числе и принципиальный вопрос об отношениях между государствами социалистического типа, необходимо будет рассмотреть конкретно. В исторической перспективе, чтобы яснее увидеть дорогу вперед, такой подход, как мне кажется, уже вырабатывается. Об этом можно судить по некоторым заявлениям советского руководства. Я имею в виду не только провозглашение принципов равенства, сотрудничества и солидарности. Опыт показал, насколько необходимо соблюдать эти принципы на практике и уважать суверенитет других государств. Я хотел бы отметить, что после XXVII съезда КПСС, даже с момента подготовки новой программы КПСС, постоянно подчеркивается значение опыта отдельных государств, необходимость уважать этот опыт, обогащающий всех.

Развитие социалистических стран продемонстрировало, что политико-экономические кризисы могут возникать и при социалистическом общественном устройстве. Пусть эти кризисы не являются антагонистическими, но в учебниках, по которым учились мы, о них вообще не говорилось. Теперь же разрушен тезис, иллюзия, что нас кризисы не касаются, что они — продукт противоречий при капитализме, противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Практика социалистического строительства подтвердила, что экспроприация основных средств производства еще не означает их обобществления, что процесс этот требует адекватных общественно-экономических преобразований, реформ, которые привели бы развитие производственных отношений в соответствие с развитием производительных сил. Отставание производственных отношений приводит к кризисным явлениям и при социализме. Приведение их в соответствие, разумеется, не единовременный акт, а непрерывный процесс...

Непонимание роли труда в новых социалистических условиях по отношению к объему и структуре общественных потребностей, которые в рамках интеграции может удовлетворить социалистическое сообщество, является причиной экономических трудностей. Они обусловлены также недооценкой товарно-денежных отношений, роли рынка и т. п., но это уже последствия последствий, а не причины причин. Экономические деформации усугубляются и другими ошибками (например, ликвидацией мелкого ремесленного производства, приусадебных хозяйств и т. д.). Практика и развитие социализма уже давно опровергли теорию, утверждающую, что при социализме нет противоречий между интересами общества и индивидуума. Такое противоречие продолжает существовать и его нельзя игнорировать.

К причинам кризисных явлений относятся также деформации в области соблюдения законов, нарушения гражданских прав и прав человека. Как будто мы не знали или забыли, что мы, коммунисты, не имеем права предаваться гордыне, превращаясь из критиков буржуазного прошлого в апологетов всего, на что наклеена социалистическая этикетка. Строительство нового общества — более сложный этап, нежели шествие победоносной революции, и он предъявляет высокие требования. Мы же часто не замечали связи между недостаточностью демократии в партии, обществе и государстве и потребностями самостоятельного развития и самоуправления...

Кризисные явления обусловлены политической атмосферой, подавляющей основной принцип партийного строительства — внутрипартийную демократию. Такая атмосфера разоружает партию, парализует ее творческий дух. В такой атмосфере теория пережевывает старые догмы и положения, разъясняет постановления, становится апологетом существующего положения. Теория не помогает практике и не обогащается за счет практики. В такой атмосфере расцветает догматизм и косность, торжествует застой, выдаваемый за стабильность. Для такой атмосферы типичны сектантство, некритичность, диктат сверху, шаблоны. Она благоприятна для возникновения немногочисленного правящего слоя, для концентрации власти. Подлинное творчество, подлинные поиски вызывают подозрение, а полемику душат обвинениями в оппортунизме и ревизионизме. Век

атома, космоса и компьютеров требует от нас всестороннего развития марксистско-ленинского наследия. Нельзя во всем видеть опасность. Необходимо реагировать на происшедшие в мире перемены ради безопасности нашего мира и его развития. Промышленная революция переплавляла в своем котле людей и народы по своему образу и подобию. Информационная, электронная революция сближает людей, классы и народы на основе развития их самобытности. Это не может не оказать влияния на содержание, форму и характер классовой борьбы. Изменился характер капиталистического общества; изменился также характер труда рабочего класса в социалистических государствах. Эти новые процессы и явления необходимо тщательно изучать и анализировать. Следует определить, в чем должно заключаться соревнование различных и при этом мирно сосуществующих систем...

В эти дни главнейшая задача заключается в комплексном познании, во всесторонней оценке настоящего как отдельных социалистических государств, так и всего социалистического сообщества, в их сравнении с окружающим миром. Именно поэтому мы не можем искать решения даже в самых мудрых книгах. Мы обязаны изучить новые тенденции интеллектуализации производства, управления, руководства и постараться найти ответы на новые вопросы. У нас должно быть собственное представление, реальное, целостное видение политического, экономического и общественного движения в будущем...

Весной прошлого года в ЧССР был с официальным визитом Горбачев. Вы, как указывают западные источники, написали генеральному секретарю ЦК КПСС письмо. Что вы могли бы сказать по поводу этого письма?

Дубчек: Я уже говорил о своем положительном отношении к нынешней политике ЦК КПСС, которая в значительной степени является инициативой Горбачева. Эта моя позиция обуславливает и мое отношение к визиту Горбачева в ЧССР. Признаюсь, я не люблю говорить о своих письмах, кому бы они ни были адресованы. В большинстве случаев я не разрешаю публиковать такого рода послания, пока не получу ответа на

них. Мои действия вызваны стремлением содействовать преодолению трагических последствий военного вмешательства 21 августа 1968 г. в политику и жизнь Чехословакии.

Я написал подробное письмо Политбюро и Пленуму ЦК КПЧ. Обо мне и о политике ЦК КПЧ в 1968 г. было написано много лжи. Было сделано множество подтасованных выводов, демагогических заявлений; и у нас и в союзных государствах распространялась несчетная и необъективная информация. В связи с этим я послал копии своего письма некоторым руководителям социалистических стран, в том числе руководству Советского Союза. Я послал также поздравление по случаю 70-й годовщины Октябрьской революции. До сих пор имеются белые пятна в освещении 1968 г., опыт которого уже тогда расценивался как не только наше достояние, но как имеющий всемирное значение. События 1968 г., как и последовавших лет, касаются не только нашей партии, хотя ключ к решению чехословацких проблем по-прежнему находится в руках КПЧ и народов ЧССР.

Свое отношение к процессу возрождения в Чехословакии, к приостановлению этого процесса внешними силами и к последствиям вмешательства извне я сформулировал уже в 1974 г. Результатом этого было усиление преследований моей семьи и широкая пропагандистская кампания (без ознакомления граждан Чехословакии с тем, что я тогда писал). В нынешней новой ситуации я не мог не высказать ЦК КПЧ свои соображения. Я не мог не напомнить оценки и заявления, сделанные тогда теми, кто поныне имеет решающее слово в руководстве нашей партии и государства. Я должен был предложить пути освобождения от груза, который лежит на нашей истории. Я должен был показать, как вмешательство извне повлияло на процесс возрождения, сформулированный в программе действий КПЧ, в партийных и правительственных документах и отраженный в подготавливавшихся и утвержденных в 1968 г. законах.

Маргинальные явления, враждебные партии и реформистскому движению, рассматривались тогда противниками реформ как наиболее важные, определяющие факторы развития, и игнорировалось отношение к партии и государству, опиравшихся на революционную социалистическую программу, широких

народных масс. Эту программу с небывалым вдохновением поддержали все члены партии, народы и народности Чехословакии. Программа привлекла к социалистическому строительству молодое поколение. Те, кто не видел, не пережил и не прочувствовал 1968 г., не могут даже представить себе моральную и идейную силу, которая постепенно превращалась в силу материальную. Партия нового типа обязана эту силу питать и воспроизводить притягательностью и убедительностью своей программы. Именно этот фактор отличал ЦК КПЧ и влиял на развитие событий в Чехословакии. Именно поэтому это развитие невозможно сравнивать с положением в партиях и государствах, не шедших в то время по пути возрождения и укрепления доверия к социализму. Я не могу согласиться с приравниванием происходившего в Чехословакии в 1967—1968 годах с политикой ПОРП и событиями в Польше. Наш народ, рабочий класс, крестьяне и интеллигенция поддерживали и защищали свою партию, вступали в ее ряды без каких-либо призывов. Сейчас этого многие не видят или не хотят видеть. ПОРП в те годы избрала иной путь, иные методы, и получила похвалу за то, что сумела удержать всех „в упряжке”. Они давали нам советы, они нас поучали, а у себя дома, в Польше, продолжали проводить сектантскую, догматическую политику. Они закрывали глаза на разрастающиеся противоречия. И партия утратила доверие трудящихся — рабочих и интеллигенции. Это привело к трагическим событиям — в Польше стреляли в рабочих. Для того, чтобы исключить такие явления в ЧССР, ЦК КПЧ пошел по пути социалистического революционного возрождения, если хотите. Это была чехословацкая „перестройка”...

Трагедию 1968-го и последующих годов, которая постигла как коммунистов, так и многих беспартийных, можно преодолеть только честным анализом нынешних проблем и поисками их решения... Процесс возрождения продолжался лишь неполных три четверти года, однако экономические показатели за тот год значительно превысили прирост прошлых лет и средние показатели темпа роста национального дохода Чехословакии в 1969—1986 гг...

Я могу с полной уверенностью заявить, что не было внутренних сил, способных воспрепятствовать социалистическому

развитию нашей страны. Добавлю, что этому развитию не могли воспрепятствовать и сектантские и догматические группировки. Нашу линию защищал как народ, так и широкомащтабность процесса возрождения.

Я подчеркиваю, что ничего не могли изменить даже те крайние тенденции, которые проявлялись в 1968 г. и о которых до сих пор говорят противники процесса возрождения (я имею в виду радикальные выступления в печати). На основании этих выступлений до сих пор утверждают, что в 1968 г. существовала опасность отторжения Чехословакии от стран социализма и ее возвращения к капитализму, и что в стране был „сформирован блок право-ревизионистских сил, опиравшийся на всестороннюю политическую, материальную и моральную поддержку империалистических сил”, что это была попытка „ликвидировать не только завоевания социалистической революции в Чехословакии, но и результаты второй мировой войны”.

Прибавьте к этому обоснование моего исключения из КПЧ, в соответствии с которым я был „ведущим представителем правооппортунистского, ревизионистского направления в руководстве КПЧ”, спросите, как я оказался в этом блоке? Я не знаю. Скорее всего потому, что верил в силу трудящихся и видел иной путь развития. Но, главное, потому, что я не отказался от своих взглядов. Я стоял во главе партии и вместе с моими сотрудниками в тогдашнем ЦК знал, что новое направление нашей политики — правильное и опирается на поддержку народа.

Новые задачи, их открытое всеобщее обсуждение могло бы и в настоящее время стать средством преодоления раскола — в государстве, в партии и в обществе — раскола, который до сих пор лежит тяжелым бременем на чехах и словаках. Отмечая ответственность за это правящих органов, я в то же время хочу подчеркнуть, что решающее слово должны иметь граждане нашего государства. Необходимо предоставить им возможность высказать свои мнения и активно подключиться к дискуссиям, которые уже начались в нашей стране. И не только, чтобы выслушать их голос, но и чтобы приступить, наконец, к существенным переменам в нашей политике, экономике и культуре. В этой связи я должен заявить протест против непрекращающихся

обвинений в мой адрес: меня называют представителем антисоциалистических и антисоветских сил и не дают возможности защититься. Могут ли послужить эти обвинения какой-либо положительной цели? Это не ошибка, а преднамеренная фабрикация. Я был и продолжаю оставаться одним из участников гражданского движения в Чехословакии. 1967—1968 годы были для меня новым этапом разработки и осуществления социалистической политической программы. Совесть не позволила мне поддержать политическую линию, отличную от Программы действий КПЧ.

В подкрепление позиции, которую я занимал тогда и продолжаю занимать, напомним об обращении к народу Чехословакии группы людей, пригласивших союзные войска. Это обращение было опубликовано в печати пяти стран варшавского договора, но до сих пор не напечатано в Чехословакии. В нем призывают наш народ поддержать призыв к союзным войскам; авторы утверждают, что ими движет стремление к ликвидации сил, угрожающих послеянварскому курсу нашей политики, платформе социалистического развития Чехословакии и программе, опирающейся на небывалую поддержку нашего народа. Это единомыслие, поддержка, пишут они, подтвердили правильность, силу и притягательность нашего нового пути. („Правда”, 22 августа 1968 г.)

Когда же народу и мировой общественности говорили правду? Ни тогда, ни сейчас...

Каковы, по вашему мнению, результаты визита Горбачева в СССР?

Дубчек: При подготовке и особенно во время этого визита представители Чехословакии выражали поддержку новой советской политике, направленной на ускорение экономического, общественного и научно-технического развития социализма, намерение следовать советской линии. Генеральный секретарь ЦК КПЧ, председатель федерального правительства и другие руководители партии и государства в своих выступлениях говорили о чехословацкой перестройке. Я приветствую эти заявления, хотя все еще жду конкретных действий... Решающими будут не слова, а дела. Народ сравнивает новые течения с тем,

что происходило в 1968 г., а также с конкретными делами КПСС в области перестройки...

Значительная часть нашей общественности связывала с визитом Горбачева чрезмерные надежды на изменение политической ситуации у нас. Сейчас эти люди разочарованы, настроены пессимистически — из-за нескольких его высказываний о Чехословакии 1968—1969 годов. Было бы неверно судить о его визите только по этим высказываниям. Лично я, как и многие другие, в прошлом активно участвовавшие в работе нашей партии, концентрирую внимание на положительных аспектах его визита. Я принимаю во внимание сложность момента, нынешнюю ситуацию в нашем государстве и отмечаю элементы улучшения нашей политики. Однако широкая общественность подходит к этому несколько иначе, и мы не можем ожидать от этих людей другого. Граждане ищут правду, свою правду, участниками и свидетелями которой были они сами. Когда они не получают прямого ответа на свои вопросы, то впадают в пессимизм или в равнодушие, либо возмущаются. Они не принимают и не хотят принимать во внимание обстоятельства, препятствующие восстановлению справедливости. Ведь мы сами учили наших людей верить в правду. И теперь именно такое мышление создает серьезные проблемы.

К тому же вместо объединяющей концепции, вместо программы поступательного движения некоторые так называемые сторонники нашей и советской „перестройки” снова с поднятым перстом предостерегают, что подвергшиеся опале бывшие коммунисты и беспартийные хотят „пожить на новом курсе”. На словах такие люди поддерживают перестройку, но опровергают принципиальное значение программы нашей партии, выдвинутой в 1968 г. Они-то и являются попутчиками, стремящимися пожить на визите Горбачева и советской перестройке...

Это сторонники политики „твердой руки”, а не поисков выхода. Вместо преодоления бремени прошлого они стремятся к тому, чтобы половина нашего населения утратила историческую память и забыла события 1968 г., а вторая половина — молодое поколение — даже не узнала бы об этих событиях и их участниках...

Главное в визите Горбачева — это вдохновляющий пример подхода к проблемам перестройки... Нам следовало бы энергично действовать в соответствии с этим примером, не выжидая, какова будет судьба перестройки в СССР... Я лично надеялся, что в результате этого визита партийное и государственное руководство ЧССР присоединится к политике советских коммунистов. Чехословацкие руководители заявили о своей поддержке горбачевской линии... Однако окончательный ответ мы получим, лишь когда в Чехословакии перейдут от слов к делу. Но если задуматься, — приступили ли бы у нас хотя бы к частичной перестройке, если бы такая политика не проводилась в СССР, то ответ выходит отрицательный. И тогда встает другой вопрос — в чем причина этого?..

Интервенция Советского Союза и стран Варшавского договора в августе 1968 г. нанесла Чехословакии глубочайшую рану. Может ли эта рана когда-нибудь зарубцеваться?

Дубчек: Вы не точно выразились. Вы сказали об интервенции СССР и стран Варшавского договора. Это не соответствует действительности. Военное вмешательство в августе 1968 г. не следует рассматривать как акт Варшавского договора, поскольку в нем не участвовали ни Румыния, ни Чехословакия, которые являются членами организации Варшавского договора.

Рану можно залечить, но для этого необходимы действенные медикаменты, и нельзя выбросить из истории, перечеркнуть, опустить произошедшие события. Многие считают, что время лечит, что у нас забудут о событиях 1968 г.... Однако невозможно забыть то, что самым существенным образом связано с историей наших народов. Память народа передается по наследству...

Это, однако, не означает, что рану нужно беречь, что нужно и впредь жить в прошлом и прошлым. Жизнь — это движение. А жить прошлым значит потерять перспективу...

Наибольшими возможностями обладают власть имущие. Они же, разумеется, несут и главную ответственность за то, чтобы развитие союзных отношений основывалось не на трагических последствиях военного вторжения 21 августа 1968 г., а на новой политической программе. Только открытый, честный

взгляд на прошлое в сочетании с новой политической программой КПЧ может стать фундаментом повторного объединения партии и общества, фундаментом обновления его динамики. Иначе невозможно завоевать доверие народа к новому курсу чехословацкой перестройки.

Отвечая на вопросы представителей оппозиционной компартии, я не могу обойти тот факт, что трагические события августа 1968 г. нанесли серьезный ущерб мировому коммунистическому движению, особенно в Европе. Преодоление последствий августа 1968 г. является делом не только Чехословакии. ЦК КПЧ не несет ответственность за то, что события 1968 г. приняли международный характер, затронули коммунистическое и рабочее движение во всем мире. Эти события поставили под угрозу единство в ряде компартий и отношения между ними. В некоторых странах компартии раскололись на две и даже на три. Это свидетельствует, что в коммунистическом движении идет борьба за возрождение социалистических идей и что эта проблема касается не только социалистических государств.

Я хотел бы в этой связи напомнить о позиции французской компартии. В июле 1968 г. ФКП отвергла просьбу тогдашнего руководства КПСС поддержать всем известное варшавское письмо пяти коммунистических партий. „Варшавское письмо, — заявили тогда французские коммунисты, — представляет собой открытое... вмешательство во внутренние дела братской партии, и мы не можем его поддержать. Военная интервенция в Чехословакию была бы катастрофой для международного коммунистического движения”.*

Какая судьба постигла бы Вальдека Роше, если бы он сделал такое заявление, находясь на моем месте?

Почему товарищи Вальдек Роше, Луиджи Лонго, Иосиф Броз Тито воспринимали процесс возрождения в ЧССР иначе, нежели Брежнев и Гомулка?.. Почему Вальтер Ульбрихт иначе воспринимал нашу позицию, нежели Николае Чаушеску, уважавший нашу политику и понимавший наши трудности и недостатки? Поэтому Румыния оказалась в „изоляции” при подготовке военного вторжения.

* См. ниже, стр. 286.

В процессе „лечения и залечивания” раны ключевую роль должен играть ЦК КПЧ.

Недостаточно внести в конституцию положение о руководящей роли партии. Верховный партийный орган должен создавать свою ответственность перед народами нашей страны. Раскол в КПЧ наступил не в результате решения о новом курсе, не в ходе его реализации, а вследствие отказа от этого курса, который, после его переоценки, стали называть „оппортунистским, ревизионистским и враждебным интересам социализма”.

Трагический раскол в партии усугубился, когда авторы „Уроков кризисного развития...” включили положения этого документа в устав КПЧ. Это препятствует устранению трагических последствий исключения из общественной жизни коммунистов, беспартийных, антифашистов, борцов за национальное и социальное освобождение — людей, вся жизнь которых была образцом интернационализма, в том числе и в их отношении к Советскому Союзу. Если считать исключенных из партии и членов их семей, исходя из того, что семья в среднем состоит из 4 человек, то последствия вторжения в Чехословакию коснулись 1,5 млн. человек. А если прибавить их близких родственников и беспартийных граждан, подвергшихся дискриминации за свою политическую позицию, за позицию братьев и сестер, и прибавим их детей, то попробуйте подсчитать долю преследуемых в 15-миллионном населении ЧССР. Система запрета работать по специальности распространилась повсеместно... В таких условиях гораздо легче быть членом партии, нежели коммунистом; гораздо легче быть обывателем, нежели гражданином... По-ленински ли это? Нет, конечно.

Разумеется, не каждый должен согласиться с приведенными мною соображениями. Но я долго думал над этими вопросами, и я убежден, что не только я. Мне думается, что и Ленин видел надвигающуюся опасность такого рода. О ней он и писал в своем „политическом завещании”, которое так долго скрывали и перед партией и перед общественностью. Предупреждения Ленина и сейчас актуальны. Я знаю, что движущей силой истории является народ, но я не могу не видеть, что со смертью Ленина наш „жомпас” стал ошибочно указывать направление, хотя наш корабль прошел через препятствия истории до „мыса доброй

надежды”. В связи с этим еще раз следует отметить значение XX и XXII съездов КПСС.

Я уже говорил о политическом значении визита Горбачева в Чехословакию и некоторой растерянности, которую он вызвал. В этой связи я хотел бы подчеркнуть, что новое мышление должно распространиться и на отношения между социалистическими государствами. Необходим всеобъемлющий, критический анализ развития этих отношений в будущем. Речь идет о комплексе политических, общественных, экономических вопросов... Совместное советско-польское заявление свидетельствует о том, что Горбачев и Ярузельский учитывают эти моменты; они выразили заинтересованность в заполнении „белых пятен” в истории отношений между СССР и ПНР. Такая готовность должна касаться всех „белых пятен”, в том числе и новейшей истории чехословацко-советских отношений, если действительно имеется намерение преодолеть противоречия конца 60-х годов.

Я сейчас говорю об исключительно серьезных, сложных и щекотливых вопросах, значение которых выходит за пределы Чехословакии... Однако я не могу утаить перед моими итальянскими друзьями проблемы, непосредственно касающиеся нашего народа. В Советском Союзе сейчас заявляют, что не должно быть табу ни на один вопрос; значит, это должно относиться и к моей стране. Чем сложнее проблема, тем серьезнее следует ее обсуждать — в деловой атмосфере, без эмоций, с уважением к политической культуре и этике.

В интервью „Унита” Горбачев сказал, что „оценка событий 1968 г. является прежде всего делом чехословацких товарищей”. Возможно, он имел в виду творческий, инициативный подход к этим вопросам со стороны ЦК КПЧ. Следует, однако, отметить, что между чехословацкими коммунистами в 1968 г. не было противоречий по поводу того, будем ли мы в нашей стране строить социализм; противоречия были по поводу пути после вторжения иностранных войск. Противоречия не касались наших союзных обязательств (как это позже стали утверждать). Наша внешняя политика исходила из наших союзных обязательств в соответствии с Варшавским договором и Программой действий КПЧ.

Раскол между чехословацкими коммунистами произошел

лишь в августе 1968 г. после того, как для решения внутренних дел Чехословакии было использовано военное вмешательство. Но даже после этого раскол партии не стал окончательным. Принятая в ноябре 1968 г. резолюция ЦК КПЧ единодушно поддержала политику возрождения и требовала ее продолжения на основе Программы действий партии в новых условиях. Окончательный раскол в партии настал, лишь когда изнутри и извне стали оказывать давление, чтобы добиться отказа от политики возрождения и Программы действий КПЧ. Таким образом, лишь отказ от ранее единодушно одобренной линии разделил партию...

Раскол в партийном руководстве постепенно привел к расколу партии и чехословацкого общества. Результатом „консолидации“ было не объединение, а разъединение.

На этой основе проходила в 1970 г. „чистка“ в партии от „правых оппортунистов“ и „ревизионистов“, т. е. от тех коммунистов, которые отказались поддержать военную интервенцию и последовавший за ней отказ от политического курса 1968 г. Партия потеряла тогда 468 тыс. членов, которые к тому же лишились возможности работать по специальности. Эта мера коснулась и социального обеспечения семей исключенных коммунистов...

Всем известно, что разделило партию и народ Чехословакии. Говоря о возможном объединении, я полагаю, что его можно добиться на основе решения самых насущных проблем страны, на основе программы, которая исходила бы из чаяний всех слоев населения. Однако среди власть имущих в стране преобладает тенденция забыть о прошлом или же использовать некоторые идеи 1968 г. в ходе нынешней перестройки лишь для косметических перемен. Многие оставившие политическую арену после вторжения потеряли веру в возможность демократизации ныне правящей в Чехословакии партии и в широкую демократизацию общественной жизни страны. Не следует закрывать глаза на это. Попытка власть имущих вынудить исключенных коммунистов на открытую оппозицию также не способствует преодолению раскола партии. Это было серьезной ошибкой и проявлением близорукости.

Следует реалистически оценить, на какой платформе

могут объединиться подлинники сторонники социализма. В первую очередь, это некоторые положения документов XXVII съезда КПСС и последовавших пленумов, затем — опыт Чехословакии 1968 г.... В подготовке новой программы должны принять участие как коммунисты, так и беспартийные, не имевшие до сих пор возможности творчески использовать свои знания...

С точки зрения международных отношений этому объединению могут способствовать консультации с руководителями ряда социалистических государств, сменившими прежнее руководство, поскольку чехословацкие события и их „решение“ в августе 1968 г. касается также союзников. Ведь тогда было нарушено соглашение, достигнутое за три недели до вторжения на совещании в Братиславе. Был нарушен Московский протокол, подписанный уже после вторжения, в соответствии с которым в Чехословакии и в дальнейшем будет проводиться политика, сформулированная на майском пленуме ЦК КПЧ. На основе этого протокола была разработана и согласована с советским руководством ноябрьская резолюция о дальнейшем развитии Чехословакии...

Августовские события 1968 г. и использованные против Чехословакии методы придали этим событиям международный характер, а потому поиски выхода из сложившейся ситуации — не только чехословацкое дело, хотя, в первую очередь, они являются чехословацкой проблемой...

После августа 1968 г. кризисные ситуации возникали и в других социалистических государствах. Мы в первую очередь имеем в виду Польшу, где жестоко подавили попытку общества начать процесс возрождения. Не думаете ли вы, что эти кризисы в Польше и в других странах Восточной Европы были вызваны не только внутренними, национальными причинами, но и общими для всех этих стран? Не думаете ли вы, что трудности социалистических стран углубились вследствие нерешенности важнейшей проблемы, которую КПЧ поставила в 1968 г. — проблемы взаимосвязи между демократией и социализмом!

Дубчек: Речь идет о целом комплексе взаимоотношений,

взаимозависимостей и проблем — но все они концентрируются, в конце концов, в проблеме взаимосвязи социализма и демократии.

В Чехословакии процесс демократизации, возрождения партии и общества был начат относительно своевременно и к тому же по инициативе сверху. Инициатива была в руках ЦК, и ЦК выступил с революционной социалистической программой решения ключевых проблем нашего общества на основе социалистической демократии. Это, разумеется, не исключает давления снизу. Однако давление это оказывали прежде всего партийные организации, которые ощущали пульс среды, в рамках которой они действовали. (В ЧССР, как вам известно, идеалы гуманизма и демократии пустили глубокие корни и были эталоном для граждан и общества.) Тем самым обе тенденции объединились в одну, и синтезом стала Программа действий КПЧ, в осуществлении которой были заинтересованы все — не только партия, но и народ Чехословакии. Почему? Да потому, что при разработке Программы действий было проведено социологическое исследование более чем в 600 организациях, где наиболее серьезно проявились недостатки и возникали самые сложные проблемы. На трех пленумах — в октябре и декабре 1967 г. и в январе 1968 г. — ЦК КПЧ принял решение о разработке программы нового курса, курса на возрождение социализма. В процессе подготовки такой программы активизировалось гражданское самосознание, активизировалась воля народа включиться в демократический процесс, в результате которого социализм должен был стать качественно иным.

Из причин, обусловивших необходимость выработки новой программы, я упомяну, в первую очередь, актуальные общественно-экономические проблемы, хотя в ЧССР они не ощущались столь остро, как в других странах... Однако наша общественность понимала и чувствовала, что между тем, что есть и что могло бы быть, расстояние увеличивается, что реальные возможности социализма не используются в полной мере, что общественные, коллективные и личные интересы трудящихся перестали влиять на рост эффективности промышленного и сельскохозяйственного производства. Сфера услуг действовала также неудовлетворительно. Все это привело к неудовлетвори-

тельному уровню жизни трудящихся и обострению симптомов социальной несправедливости. Особую проблему представляла собой сфера культуры, система управления обществом, поскольку чехословацкий народ не забывал трагические политические процессы, на которых были вынесены жесточайшие приговоры, и другие нарушения законности в 50-е годы, от которых пострадали многие граждане.

Органы политической власти не реагировали вовремя на возникающие проблемы, они не осознали своевременно необходимость реформы. Напротив, они защищали статус кво, они предпочитали командный способ управления, стимулируя тем самым недовольство тех, кем они руководили. Постепенно общество оказалось в положении, когда субъект власти — народ — становился ее объектом. Эта общая для всех стран с коммунистическими правительствами тенденция проявлялась, разумеется, различно в каждой из них, однако общим знаменателем этого явления было ослабление взаимосвязи между демократией и социализмом. Демократическими методами управления пренебрегали, и пропорционально этому возрастала угроза злоупотребления властью... Для предотвращения повторения преступлений прошлого коммунистическая партия должна заботиться, чтобы власть не сосредотачивалась в одном звене механизма управления, в руках одного человека. Направлять общество следует авторитетом идеи, а не насилием, репрессиями. Это кажется само собой разумеющимся, однако практика показала, что на самом деле это сложно, трудно.

Воспрепятствовать возвращению старых методов волюнтаризма, субъективизма и произвола власти должны правовые гарантии. Социалистическая демократия должна повседневно расширять простор деятельности каждого индивидуума, коллектива, каждого звена управления; люди должны иметь возможность открыто высказывать свои взгляды. Главным критерием в нашей кадровой политике должна быть не принадлежность к номенклатуре, а профессиональная квалификация человека. Народ должен иметь право выбирать своих представителей, контролировать их и отзывать их...

КПЧ в 1968 г. стремилась завоевать добровольную поддержку народа; она стремилась проводить политику ненасильст-

венного сопротивления политической и общественной несправедливости. И добилась этого. Это — главное достижение начатой нами политики революционного возрождения... Демократия и социализм должны идти рука об руку. Ослабление демократии, нарушение ее связи с социализмом девальвирует социализм и приводит к кризису в социалистическом государстве. За последние 20 лет трудности социалистических стран углубились...

Недемократическая атмосфера, господствовавшая в коммунистических партиях, возникла и в отношениях между ними, поскольку демократические отношения понимались однозначно — как навязанные ведущей в блоке компартией.

Именно поэтому я высоко оцениваю нынешнюю позицию КПСС, в соответствии с которой единство коммунистов не имеет ничего общего с унифицированием и иерархией, с вмешательством одних компартий в дела других, со стремлением какой-либо из этих партий получить монополию на правду... Очень жаль, что 20 лет назад КПСС не стояла на такой позиции.

Вернемся назад на эти 20 лет. На Западе многие считают, что причиной интервенции 21 августа 1968 г. была как раз-то постановка компартией Чехословакии вопроса о взаимосвязи между демократией и социализмом. Вы согласны с этим?

Дубчек: Я не сводил бы причины интервенции лишь к этому вопросу, хотя он действительно был ключевым в нашей новой политической программе. Не следует исключать влияния ГДР и Польши, которые неоднократно вмешивались в дела нашей партии. Придет время, и история даст свою оценку действиям тогдашнего политического руководства этих стран. Не следует относить интервенцию только на счет СССР, хотя в осуществлении военного вторжения слово советского руководства было решающим... Свою роль сыграли — и история наверняка в будущем проанализирует этот факт — преднамеренные искажения, преувеличения, фальсификация информации, которую наши информаторы передавали советскому руководству. Ведь часть функционеров, ответственных за ошибки прошлого, теряли свои посты в результате тайных выборов на партийных конференциях на местах. Многие из них не хотели смириться

с поражением. Свое субъективное положение, опасения утратить собственное благополучие они выдавали за тревогу о судьбе социализма в нашей стране...

Не следует забывать, что после августовского вторжения в Чехословакию были предприняты попытки создать „рабоче-крестьянское правительство” и „революционный трибунал”. От имени этих органов были даже приняты два антиконституционных решения: назначен новый министр внутренних дел, а трибунал вынес решение арестовать ведущих представителей партии и государства, что и было сделано...

Но вернусь к вашему вопросу. Сегодня, 20 лет спустя, можно сказать, что политика КПЧ, сформулированная в Программе действий, и наше последовательное стремление реализовать эту программу в те годы были неприемлемы для наших союзников. Об этом свидетельствует тот факт, что после вторжения официальная политика КПЧ и правительства Чехословакии, отраженная в Программе действий КПЧ, одобренная высшими партийными и государственными органами, Национальным собранием и Народным фронтом, была полностью аннулирована, а сторонники этой программы... были лишены возможности не только заниматься политической и общественной деятельностью, но даже работать по специальности...

Не считаете ли вы сейчас, что можно было избежать военной интервенции, положившей конец „новому курсу”?

Дубчек: В вашем вопросе есть слово „сейчас”. Так вот, сейчас, сегодня, мы знаем, что военного вмешательства нельзя было избежать. Чехословацкое руководство было не в силах сделать это. Я выслушал и прочел множество советов, возражений, критических высказываний относительно того, что я должен был сделать или чего я не должен был делать. Но никто не ставит вопрос, что я мог сделать. Сейчас уже всем известно, что в то время наш „новый курс” был неприемлем для наших союзников... Военного вторжения, действительно, можно было избежать, отказавшись от Программы действий, от процесса возрождения и ликвидировав новый курс внутренними силами (с помощью армии, органов безопасности и милиции...).

Однако ни в ЦК КПЧ, ни в чехословацком правительстве, ни в Национальном собрании, ни в канцелярии президента не было силы, способной на это... Вспомните ненасильственное сопротивление нашего народа военной интервенции, и его требование возвращения в страну руководства партии и правительства (они были увезены в Москву после вторжения. — Ред.)...

Результаты вторжения показали, что при принятии решения о военном вмешательстве не посчитались даже с мнением влиятельных коммунистических партий...

Напомню, что после заседания шести партий в Братиславе (менее чем за три недели до вторжения в Чехословакию) я уполномочил Алоиза Индру и Драгомира Кольдера (тогда они были секретарями ЦК КПЧ), выступавших в 1968 г. в поддержку Программы действий, представить предложения по реализации решений этого заседания. Однако они не выработали их до вторжения войск пяти стран Варшавского договора. Почему? Более того, я был арестован определенной группой сотрудников госбезопасности по приказу Индры. Таким образом, была исчерпана и предложенная на братиславском заседании возможность решить наши проблемы внутренними силами...

Можете вы рассказать о наиболее драматическом моменте в вашей личной судьбе в первые трагические недели, последовавшие за вторжением войск в Чехословакию?

Дубчек: Прошу вас, не спрашивайте меня об этом...

Братислава, октябрь 1987 г.

Милан Гибла

ДЕРЗОСТЬ ИЛИ НЕВЕЖЕСТВО?*

Пражскую весну нельзя отделить от имени Александра Дубчека, как нельзя отделить XX съезд КПСС от фигуры Никиты Хрущева, проводимую сейчас в СССР перестройку от Михаила Горбачева, революцию в Китае от Мао Цзэдуна, великий террор 30-х годов от имени Сталина", — пишет Рой Медведев и продолжает: „Мне думается, что, характеризуя чехословацкие события, следует отметить, с одной стороны, мужество, а с другой, — политическую слепоту; с одной стороны — энтузиазм и эйфорию, отказ от догм и стереотипов Готвальда и Новотного, а с другой, — неумение продумать и точно сформулировать прогнозы, учесть международное положение Чехословакии и ее место в социалистическом лагере".¹

Рой Медведев — не пустослов типа Козлова („Новое время"), со взглядами которого даже не стоит полемизировать. Медведев — автор работ о советской истории, завоевавших широкую известность. Поэтому меня удивляет и настораживает тот факт, что он, не пытаясь объяснить сложнейший исторический процесс, стремится затушевать действительность всяческими оговорками. Разве причиной поражения Пражской весны не было прежде всего пренебрежение брежневского руководства внутренними условиями Чехословакии, предопределенными ее историей, демократическими политическими традициями и достигнутым в стране уровнем цивилизации и культуры, а также попрание суверенитета и права чехословацкого народа самостоятельно решать, какими путями осуществлять политические, демократические и общественные перемены в своей стране. Только

* Комментарий Гибла был также напечатан в органе ИКП „Унита" 1 марта 1988 г. — Ред.